

«Письма о природе и человеке»
А. Д. Кантемира

Литература, посвященная А. Д. Кантемиру, одному из крупнейших отечественных писателей XVIII в., в настоящее время достаточно велика¹; однако литературное наследие писателя изучено еще не полностью, не выяснена до конца история создания и состав отдельных его произведений. Особенно мало внимания уделялось до сих пор филологическому изучению прозаических произведений Кантемира — его обширных примечаний к сатирам, к переводу посланий («писем») Горация, перевода сочинения Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1686) и собственных примечаний Кантемира к этому переводу.

Особое место среди этих произведений занимают научно-философские записки Кантемира, впервые полностью напечатанные в двухтомнике под ред. Ефремова как «Письма о природе и человеке» (письма I—XI) и датированные там 1742 годом². Подлинник «Писем» не со-

¹ Самый полный очерк сделанного в этой области см. в материалах юбилейного заседания, посвященного А. Д. Кантемиру: «Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века». М.—Л., 1961, стр. 190—270.

² «Сочинения, письма и избранные переводы Антиоха Дмитриевича Кантемира», т. 1—2. Ред.-изд. П. А. Ефремов. СПб., 1867—1868. — Ниже из этого сборника с указанием страниц цитируются следующие произведения Кантемира (см. сокращения): «Письма о природе и человеке», I—XI (*Письма*); «Сатиры», I—IX, примечания к ним (обе редакции сатир и примечаний); «Песни», I—IV, примечания к ним; «Письма Квинта Горация Флакка», примечания к ним (*Письма Горация*). По отдельному изданию цитируется: «Разговоры о множестве миров Фонтенелла, Парижской академии наук секретаря». С франц. перевел и потребн. примеч. изъяснил Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740 (*Разговоры*).

хранился или пока не найден. В известной описи библиотеки Кантемира эта работа среди печатных и рукописных произведений не упомянута³. В двухтомнике под ред. Ефремова использован единственный известный издателям рукописный экземпляр «Писем», редакция специально отмечала: «Нам известна только одна рукопись этих писем (СПб. Имп. публичной библ.)»⁴. Этот список, относящийся к концу XVIII в., был куплен в 1830 г. для Публичной библиотеки у известного московского библиофила А. Ф. Толстого⁵ и с тех пор хранится в ГПБ в Ленинграде (Отдел рукописей, Q XV—24, 74 л.). Правда, интерес к творчеству Кантемира, в частности к философским «Письмам», обнаруживался еще в начале XIX в., когда в «Вестнике Европы» (1811, ч. 59, № 19) было опубликовано первое «письмо»⁶.

Рукопись «Писем» из ГПБ имеет заголовок «Копии с одиннадцати писем от князя Кантемира, бывшего во Франции», далее в заголовке теми же буквами, что и основной текст, добавлено: «писанных к одной тамошней же госпоже, об которой он нейменовал во оставших с тех своих к ней писем отпусках». Этот заголовок, как и подзаголовок, принадлежат явно не автору. Научному текстологическому и историко-литературному изучению эти «отпуски», или «копии», не подвергались⁷. Возможно, на этом пути предстоят интересные находки.

В Москве в ЦГАЛИ хранится второй, просмотренный нами список одиннадцати «Писем» Кантемира (Коллекция рукописей, ф. 1345, оп. 2, № 66), сделанный, по-ви-

³ Опись опубликована в кн.: В. Н. Александренко. К биографии А. Д. Кантемира. Варшава, 1896, стр. 15—46.

⁴ «Сочинения, письма и избранные переводы Аптioxа Дмитриевича Кантемира», т. 2, стр. 21.

⁵ Сообщение о покупке рукописи приводится в кн.: Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914». СПб., 1914, стр. 105.

⁶ Скучные сведения об истории рукописи «Писем» в первые десятилетия XIX в. см. в двухтомнике под ред. Ефремова (т. II, стр. 21, 451—452). Об изучении творчества Кантемира в русской литературной критике этого времени подробнее см.: П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964.

⁷ В этом плане представит, вероятно, интерес фамилия переписчика или владельца рукописи — Ф. Аргунов, поставленная внизу первой страницы. Не имеет ли она отношение к Ф. Л. Аргунову (1716—после 1767) — известному архитектору из талантливой семьи крепостных Аргуновых?

димому, с первого в 1810 г. Эта рукопись, почти неизвестная в научном обиходе, имеет любопытные комментарии на полях и исправления филолога и историка С. Г. Саларева, относящиеся к 1815 г.

В последнее время в научной литературе к «Письмам» проявляется внимание. В частности, предпринимаются попытки текстуально соотнести «Письма» и некоторые современные Кантемиру сочинения французских авторов (больше всего Фенелона)⁸. Разные места «Писем», действительно, представляют собой перевод или переложение извлечений из таких сочинений, однако в целом «Письма» по своему содержанию и замыслу не являются систематическим переводом того или иного произведения.

По тематике и языку «Письма» отличаются от остальных произведений Кантемира. В частности, языковые особенности «Писем», уже обращавшие на себя внимание исследователей, побуждали делать разные оговорки и давать объяснения в отношении их. Н. В. Трунев, например, считал их «необработанным» произведением уже «зрелого» писателя⁹. Полное выяснение истории «Писем» и места их в творчестве Кантемира в существенной мере зависит от историко-литературных и археографических находок. В данной статье делается попытка подойти к делу с иной, собственно лингвистической стороны — сосредоточить внимание на особенностях языка «Писем».

Сравнение языка «Писем» и всех остальных основных произведений Кантемира может дать интересные сведения. Ниже представлены данные такого анализа. Были приняты во внимание некоторые характерные, специфические языковые черты (в области лексики) основного корпуса произведений Кантемира и соответствующие им словесные и терминологические средства «Писем». Приводим отдельные примеры полученных сопоставлений.

Примечательны для Кантемира способы обозначения понятия 'предмет, объект'. В «Разговорах» и примечаниях к сатирам Кантемира в этом смысле употребляется слово *ещь*, часто в сочетании с прилагательным *предлежащий*,

⁸ M. E h r a r d. *Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir*. «Revue des études slaves», t. 34. Paris, 1957; H. G r a s s h o f f. *Kantemir und Fenelon*. «Zeitschrift für Slawistik», 1958, Bd III, N. 2—4.

⁹ Н. В. Т р у н е в. *Кантемир в истории русского литературного языка* (докт. дисс., машинопись). Омск, 1950, стр. 575, 613.

и другие средства. См. примеры принятых у Кантемира специфических наименований этого рода: *Имагинация*. . . в сем месте знаменует мнение, рожденное от *предлежащих вещей* (Разговоры, гл. I, прим. 62, стр. 32); ср. также: От многого чтения или прилежного смотрения глаза ослабевают, и не столь светлы им видятся *предложенные* им *вещи* (Сатира V, прим., 1-я ред., стр. 277); Чувства в том возрасте легче принимают в себя изображения *предлежащих* (Сатира VII, прим., стр. 160).

Подобные выражения, генетически соотносительные с лат. *objectum*, наряду с другими средствами употребительны в языке 20—30-х гг. XVIII в. и позднее. Например: От *предлежащих вещей* исходящие лучи по изволению художника в глаз приводятся¹⁰; Зеркала и зрительные стекла можно несколько раз переменить и тем *предложенные вещи* увеличить в диаметре¹¹. Помимо указанных, в данный период и на протяжении всего XVIII в. для выражения того же значения употребляется целый ряд других наименований — *предлог*, *предложение* и др.; с 50—60-х гг. XVIII в. в литературный обиход входит слово *предмет*.

В «Письмах» в аналогичных случаях находим почти исключительно слово *вещь*, в некоторых (первых) главах — *прилог*, *приклад* в значении 'предмет рассмотрения'. Вместе с тем более или менее постоянно, особенно начиная с VI «письма», используется слово *объект*, которое выступает здесь в значении 'вещь, предмет'. См. примеры его в «Письмах» Кантемира: Ум, который непрестанно зрит бесконечность, постигает все *вещи*, предел и конец имущие, также бесконечно не видит все те объекты, которые его окружают (гл. VII, стр. 66); ср.: Как не знаю тех *вещей*, которых никогда не знал (гл. VI, стр. 62) и: Сей свет собирает и представляет глазам нашим все *объекты* (гл. VII, стр. 72); Чрез помощь микроскопа находим мы тысячу *объектов*, которые взор не может постигнуть (гл. IV, стр. 44). В других произведениях Кантемира заимствование *объект* не наблюдается (как неизвестно Кантемиру и слово *предмет*). Следует сказать, что в языке XVIII в. слово *объект* вообще не является устойчивым, хотя и

¹⁰ «Примечания на ведомости», 1732, № 3, стр. 9.

¹¹ М. В. Ломоносов. Описание в начале 1744 года явившейся кометы. — Полное собр. соч., т. IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 11.

встречается наряду с другими наименованиями в некоторых источниках. Регулярное употребление его устанавливается лишь с конца XVIII в.

Другая характерная примета языка «Разговоров» и сатир Кантемира — слово *тварь* в собирательном естественнонаучном смысле 'мир, вселенная', синонимично словам *натура*, *естество*, *мир* и др. Например: Кажется тогда, что во всей *твари* одни мы только (Разговоры, гл. I, стр. 7; в оригинале ¹²: dans toute la *nature*); в примечаниях к сатирам: Все телеса в *твари* взаимно себя по некаким правилам привлекают (VII, прим., стр. 161); Нет пороженного или пустого в *твари* (III, прим., 1-я ред., стр. 244). Таким путем Кантемир старался заменить заимствование *натура*: *Натура*. Также же значит. . . *тварь* по-русски (Разговоры, гл. I, прим. 25, стр. 10).

Слова *натура* и *естество* обычны в книжном и ученом языке первой половины XVIII в. и позднее; употребляются они и Кантемиром. Поэтому, несмотря на некоторую существовавшую в XVIII в. тенденцию к расширительному использованию слова *тварь*, в XVIII в. оно преимущественно выступало для обозначения всего живого, соотносительно с глаголами *творить*, *создавать*, и носило отпечаток церковнокнижного осмысления. В этом именно качестве находим слово *тварь* в «Письмах». Например: . . . власть творца всея *твари* (гл. III, стр. 38); Цицерон сказал, что бог для того создал человека от прочей *твари* отменно. . . (Там же, стр. 37). Здесь же оно употребляется часто в характерном для XVIII в. значении отдельных предметов и существ: Не меньше бесконечности в малых тех *тварях* и вещах (гл. IV, стр. 43); Не только растущее на земле, но и животная *тварь* нам бывает в пользу (Там же, стр. 42). Аналогичные примеры встречаем в современных Кантемиру источниках: Токмо единая *тварь*, а не время преходит ¹³ и: Сии славные мирские телеса, понеже они твари суть. . . ¹⁴

Соотношение значений слова *тварь* в философских «Письмах» Кантемира отличается от того четкого есте-

¹² В. Fontenelle. Entretiens sur la pluralité des mondes. — В кн.: «Oeuvres diverses de m. de Fontenelle», t. 1. Nouv. éd. La Haye, 1728.

¹³ «Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях», 1731, № 2, стр. 6.

¹⁴ Там же, № 3, стр. 10.

ственна научного понимания, которое преимущественно представлено, например, в «Разговорах». Впрочем, осмысление слова *тварь*, которое встречаем в сатирах и «Разговорах» Кантемира, не удержалось в языке XVIII в. и последующего времени. В этом значении более употребительны слова *натура*, *естество*, *природа* и др. Показательно также, что в позднейшем переводе указанного сочинения Фонтенеля¹⁵ на месте кантемировского *тварь* в естественнонаучном смысле выступают другие слова. Указанный выше отрывок из «Разговоров» Кантемира — «. . . во всей *твари* одни мы только» представлен в переводе 1802 г. с заменой *тварь* на *природа*: «. . . во всей *природе*» (стр. 6).

Не встречается в «Письмах» и другое специфическое для остальных произведений Кантемира выражение — *мир повсемственный* в значении 'вселенная, все вокруг'. Например: *Мир повсемственный*, которого части суть солнце, планеты, звезды и проч. (Песнь I, прим., стр. 314); Все то великое расстояние, которое объемлет солнце наше и наши планеты, будет одна лишь маленькая частица *повсемственного мира* (Разговоры, гл. V, стр. 137; в оригинале: l'Univers); Все сие неизмеримое собрание вещества, из которого *повсемственный мир* составлен, пребывает в непрестанном движении (Там же, стр. 157—158). Само слово *мир*, по сравнению с «Разговорами» и примечаниями к сатирам, имеет в «Письмах» весьма малое распространение. В этом значении здесь находим *свет*, встречающееся и в других сочинениях Кантемира, и *вселенная*, нигде более у него не принятое, хотя употребительное в языке XVIII в. Например: Говорят, что всякая звезда подобна нашему *свету* и каждая населена (Письма, гл. III, стр. 39); [Кто] строил первый состав *света* и сделал непрестанное движение во всей *вселенной* (Письма, гл. II, стр. 29).

Кантемира весьма занимал подбор средств для выражения понятия 'принцип, основание, закон', с помощью которых возможно избежать излишнего, по мнению Кантемира, в данных случаях заимствования *элемент* (см. его примечания к «Письмам Горация», ч. I, 1, стр. 396). В философских «Письмах» не находят отражения эти первоначальные терминологические поиски. В «Письмах»

¹⁵ «Разговор о множестве миров. Соч. Фонтенеля». Пер. с франц. [А. П. Трубецкой]. М., 1802.

употребляются слова *основание* и *начало* — в контекстах, подчас более сложных и специализированных, чем известные по другим работам писателя. Здесь нередки также заимствования *элемент* и *принципий*; последнее неизвестно по другим сочинениям Кантемира. См. в «Письмах»: . . . при самых неподвижных правах, которые называют первый *принципий* (гл. VII, стр. 70).

Следует отметить общее усложнение слога и языка «Писем», углубление отвлеченно-терминологического содержания слов, изменение их сочетаний по сравнению с другими произведениями Кантемира. В этом отношении главы «Писем» неодинаковы. Наибольшей усложненностью отличаются центральные главы — с VI по IX, первые и последние главы ближе к языку и слогу середины XVIII в. Например, слова *бесконечный*, *бесконечно* представлены в других сочинениях Кантемира и в литературе 40-х годов XVIII в. преимущественно сочетаниями с количественным значением типа *бесконечные части*, *бесконечные различия*, *тело бесконечно плотнее*. В «Письмах» понятие конечного и бесконечного связано с более глубоким представлением о предельном («конечном», «созданном») — как конкретном, в конечном счете материальном, и о непредельном («вечном») — как непредметном, в известной мере идеальном. В «Письмах» употребительны неизвестные в других случаях у Кантемира слова *бесконечность* и *конечность*. Таковы сочетания, в известной мере отличные от словоупотребления 20—40-х гг. и тяготеющие к словоупотреблению середины — второй половины XVIII в. — *образ бесконечности*, *образы конечные*, *идея бесконечности* (гл. VII), *бесконечные действия ума* (гл. VI), *познавая единство бесконечно* (гл. VIII).

Такие же отличия связаны с употреблением в «Письмах» слов *вещественный*—*невещественный*, *телесный*—*бестелесный*: Ежели так, то уму надлежит *вещественну* быти, но когда ум *вещественный* и *бестелесен*. . . (гл. VI, стр. 59); Я единства *вещественно* не знаю, а знаю только умом моим (гл. VIII, стр. 75). Аналогичные примеры встречаем и в других источниках середины XVIII в.: Так слово в слово и в делах *невещественных* случается¹⁶; Чтob полы в обсерваториях были вровень устроены, дабы соответствовали

¹⁶ Г. Т е п л о в. Знания, касающиеся вообще до философии, кн. I. СПб., 1751, стр. 129.

вещественному горизонту, на небе видимому¹⁷ (в оригинале: l'horizon réel). Только в «Письмах» встречаются термины *совершенный, совершенство* (в знач. 'абсолютный, абсолютность') — *несовершенный, сокращенный* ('относительный').

Более частными, но также приметными отличиями «Писем» служат слова *мысль и мыслящий*, ср. *смысл, смысленный* в других сочинениях Кантемира; необычные для других произведений Кантемира сочетания *чистая идея, устав природы*. В качестве соответствия заимствованию *генерально* в «Разговорах» применяется сочетание *в обществе*. Его находим в примечании к слову *генерально* и в самом тексте «Разговоров»: *Генерально, то есть в обществе*, сплошь (гл. II, стр. 52); *Метафизика. . . дает нам знание сущего в обществе*. Такие примеры немногочисленны, хотя и встречаются в литературе 20-х гг. XVIII в., например: *Надобно меры сил дивизателниц в обществе правопоставити*¹⁸. В «Письмах» сочетание *в и общество* выступает в обычном прямом номинативном смысле.

Отсутствует в «Письмах» слово *средоточие*, введенное Кантемиром в «Разговорах», разъясняемое и пропагандируемое им¹⁹. В «Письмах» относительно много заимствований, нигде более у Кантемира не встречающихся и не распространенных в тот период, см. выше *объект*, также — *гемисфера, деликатность, препорция, манер, subtilный, циркуляция, спекуляция* и др. Слова эти употребляются в обычных, не отличающихся от других, контекстах: *Когда солнце уносит свет свой в другую гемисферу* (гл. III, стр. 39); *Кто навел такую точность препорции [в человеческом теле]?* (гл. VI, стр. 58); *Двигать. . . особливым манером все части, из которых составлен будет корпус [тело]* (Там же); *Кто придает резон движению тому. . .* (гл. IV, стр. 45); *Дивиться премудрой руке той, которая из земли порядочные и subtilные устроила части* (гл. V,

¹⁷ Л. Эйлер. Письма о разных физических и философических материях, т. I. Пер. с франц. С. Румовского. СПб., 1768, стр. 196.

¹⁸ «Краткое описание Комментариев Академии наук». СПб., 1728, стр. 12.

¹⁹ См. об этом: В. В. Веселитский. Иноязычные слова и их русские эквиваленты у Кантемира. «Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова». М., 1965, стр. 55.

стр. 57); Философы, которые чрез свои пустые *спекуляции* потрясти хотели ясность (гл. VIII, стр. 81).

Само по себе, впрочем, наличие таких, даже малораспространенных и окказиональных, заимствований не является резко отличительной особенностью «Писем» по сравнению, например, с «Разговорами» и примечаниями к сатирам, поскольку и в этих произведениях имеется немало иноязычных слов. Однако всюду, кроме «Писем», такие термины неизменно разъясняются в примечаниях с указанием подходящих русских эквивалентов. Поэтому все же заимствования приобретают для «Писем» некоторый характеристический смысл, особенно если учесть, что в 40-е гг., более всего в «Письмах Горация», Кантемир старался максимально освобождаться от слов иноязычного происхождения, устраняя и заменяя подчас, как указывалось выше, даже общеупотребительные заимствования.

Существуют и иные отличия языка «Писем» от других произведений Кантемира. Анализ их позволяет сделать общий вывод о том, что «Письма» заметно выделяются в творческом наследии Кантемира. Прежде всего, очевидно, что это произведение не было готово или не готовилось для печати так, как остальные работы Кантемира. В этом плане показательно хотя бы отсутствие в нем примечаний и толкований, столь типичных для остальных печатных трудов писателя.

Сопоставление аналогичных по смыслу слов и выражений подводит также к мысли о том, что «Письма» создавались, вероятно, позже других произведений философского и естественнонаучного жанра (после сатир в обеих редакциях и после «Разговоров» с их примечаниями). От некоторых терминологических наименований этих более ранних произведений Кантемир как бы отходит, меняя также в отдельных случаях свою словесную ориентацию. Возможно, что это в определенной степени объясняется самой спецификой «писем» — посланий, лишенных, так сказать, языковой назидательности и нормативности. Усложнение слога, появление новых более специальных и отвлеченных выражений и сочетаний может быть поставлено в связь с тематическим своеобразием «Писем», их обращением к общефилософским вопросам и внутреннему миру человека. В некоторых случаях, как говорилось, словоупотребление «Писем» более тяготеет к терми-

нологии 50—60-х годов XVIII в. Нельзя в принципе отрицать и возможности более поздней, чем первая половина 40-х гг. XVIII в., редакции отдельных мест «Писем».

Работа Кантемира над «Письмами», как и история самих «Писем», представляют интересный предмет исследования²⁰ с разных точек зрения. Они требуют дальнейшего изучения. «Письма» любопытны со стороны жанра, приходя к распространенным в научной и философской литературе XVIII в. «беседам» или «письмам». Вспомним в этой связи упоминавшиеся выше известные «Письма о разных физических и философских материях. . .» Л. Эйлера, переведенные акад. С. Разумовским. «Письма» Кантемира — значительный и богатый в отношении языка памятник. Он представляет ценность для историков языка (лексикологов, грамматистов) и историков литературного языка, воспроизводя картину литературно-книжного словоупотребления определенной исторической эпохи. Однако при использовании «Писем» в историко-лингвистических исследованиях должны приниматься во внимание указанные выше их языковые особенности.

²⁰ Из последних работ этого рода отметим, например, статью З. М. Петровой, касающуюся истории издания сатир Кантемира, см.: З. М. Петрова. К вопросу об издании литературных памятников XVIII века (лингво-текстологические замечания). «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века». М.—Л., 1965, стр. 273—275.